

УДК 81(091)

О ЯЗЫКЕ САКО-СКИФОВ*

Об агрессивной сущности и научной несостоятельности так называемой «теории» об иранизме саков-скифов

Джавад Алмаз

О ТРУДЕ ДЖАВАДА АЛМАЗА «О ЯЗЫКЕ САКО-СКИФОВ»

Во второй половине XX века, в результате козней некоторых ученых Казанского университета, вымышленных и лишенных основания обвинений, татарское языкознание потеряло талантливого лингвиста – Джавада Алмаза. В печати практически нет материалов на русском языке относительно жизни и научной деятельности этого от природы одаренного ученого, особенно об обстоятельствах его личной жизни. На татарском языке биография Джавада Алмаза впервые была опубликована нами в журнале «Мирас»¹. Данная статья является первым опытом исследования на русском языке биографии и научной деятельности Дж. Алмаза. Она написана на основе изучения его личного архива, сохранившегося у его родственников Мугаззамы и Масхуда Гатауллиных, живших в 1981 г. в г. Ташкенте.

Джавад Нугманович Алмаз родился в декабре 1916 г. в д. Чертушкино Чистопольского уезда в семье сельского имама. В силу известных причин в 30-е годы семья была вынуждена в срочном порядке выехать в Ташкент, где они благополучно прожили до 1960-х годов.

Окончив в Ташкенте школу, Джавад Алмаз поступил на учебу на филологический факультет Смоленского пединститута. Уже тогда, наряду с русским и татарским, он владел восточными и западными литературными языками: персидским, арабским, узбекским, немецким, французским и др.

В 1955 г. будущий ученый становится аспирантом Казанского университета. Целью поступления Дж. Алмаза в аспирантуру было освоение методов научного исследования татарского языка. В 1958 году он завершил учебу. В казанский период своей жизни Джавад Алмаз выезжал в диалектологические экспедиции, выступил с докладом на международном конгрессе востоковедов, посвященном литературному наследию средневекового татарского поэта Кул Гали² и прошедшем 9–16 августа 1960 г. в Москве.

* Статья публикуется с сокращениями. – *Ред.*

¹ *Әхмәтҗанов М. Галим һәм шагыйрь Жәвад Алмаз // Мирас . – 1996. – №4. – 65–68 б.; См. также: Әхмәтҗанов М. «Жәмҗәмә дастаны» тәрҗемәсе. Жәвад Алмаз. Жәмҗәмә дастаны // Әдәби мирас. Өченче китап. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1996. – 41–56 б.*

² *Джавад Алмаз (Казань): «Кисса-и Юсуф» Али – болгаро-татарский памятник // Труды двадцать пятого международного конгресса востоковедов. Москва, 9–16 августа 1960 г. Том III. – М.: Изд-во восточной литературы, 1963. – С. 382–388.*

После окончания аспирантуры его оставили в университете преподавать татарский язык, этим он занимался до 10 апреля 1961 года, вплоть до того момента, когда в результате происков недоброжелателей он был уволен с работы с оговоркой для его будущих потенциальных работодателей: «нигде не принимать его на работу».

Поддержку он нашел лишь у своей старшей сестры Мугаззамы Гатауллиной, которая нашла для брата уголок в своей ташкентской квартире, где талантливый ученый-языковед в течение 18 лет самозабвенно занимался историей татарского литературного языка, вернее, исследованием первоисточников. Ученый провел в этой квартире весь остаток своей жизни, там он и скончался от сердечного приступа 29 марта 1979 г.

20 лет своей жизни Дж. Алмаз посвятил выявлению и изучению татарских письменных литературных памятников XIV–XIX веков. Он также занимался теоретическими проблемами пратюркских языков.

В его личном архиве, оставшемся в наследство его старшей сестре Мугаззаме ханум, сохранились его рукописи, содержащие ценные мысли теоретического и практического характера. За этим архивом после смерти Дж. Алмаза приходили ученые из академий Узбекистана и Казахстана, обещая крупные суммы. Однако сестра им отказала. Также приезжали к Дж. Алмазу при его жизни и после его смерти из Казани литературоведы Шакир Абилов, Масхут Гайнутдинов, классик татарской литературы Н.Исанбет и другие, однако, не будучи наделенными полномочиями вести переговоры о передаче архива, они преимущественно собирали информацию о покойном ученом.

В феврале 1981 года автору этих строк в связи с предстоящей защитой кандидатской диссертации пришлось поехать в Алма-Ату.

Собираясь в дорогу, в предварительно переговорил с директором ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова проф. Я.Г.Абдуллиным и с дирекцией Национального музея РТ относительно будущей судьбы архива Джавада Алмаза.

Дирекция Национального музея одобрила мою идею о покупке этого ценного архива и дала мне полномочия на переговоры с родственниками об условиях приобретения архива.

Приехав в Алма-Ату в начале февраля 1981 года, я связался по телефону с родственниками Дж. Алмаза, проживающими в Ташкенте. Получив их согласие на встречу, я вылетел самолетом в Ташкент.

В Ташкенте меня встретили с большим уважением, семья Гатауллиных была рада тому, что казанские ученые интересуются архивом Дж. Алмаза. Я же во время этого визита сделал предварительную опись архива ученого.

Впоследствии представители Национального музея РТ, оформив все необходимые бумаги, привезли наследие ученого в Казань.

В ту мою встречу с родственниками Дж.Алмаза я попросил дать мне 3 дубликата статей ученого для того, чтобы опубликовать их в Казани. Они сразу откликнулись на мою просьбу. Однако в первые годы опубликовать их оказалось невозможно, поскольку встал вопрос: куда их предложить?. К тому же, и копировальная техника в 1980-1990-х годах была не столь совершенна, а для простых машинисток копировать статьи Дж. Алмаза на машинке было трудом почти непосильным. Однако главной причиной была идеологическая

¹ Однако нами был опубликован поэтический перевод «Дастани Джумджума» Дж. Алмаза на современный татарский язык (см. Эдэби мирас. – Казань: ТКН, 1996. – 41–56 б).

обстановка, в которой публикация самого объемного труда ученого «О языке сако-скифов» могла быть расценена как политическая провокация¹.

Рукопись труда, написанного в 1959-1977 годах, представляет собой 69 страниц машинописного текста, по 40 строк на каждой странице. Главный труд Дж.Алмаза, предлагаемый вниманию читателей, посвящен проблемам скифского языка.

Проблема языка скифов волнует ученых разных национальностей уже с XVIII века. О скифах написаны сотни статей и десятки книг на различных языках – особенно европейских. Тема скифского языка тесно переплетена с историей многих народов Европы.

Появление скифских племен на исторической арене произошло в VII–V веках до нашей эры. Обширную информацию о скифах оставил греческий историк Геродот¹. Скифские племена, согласно Геродоту, пришли из Азии и поселились на землях современных нижнего Приднепровья, Приазовья, Крыма, Прикубанья. По исследованиям ученых, скифы вели частично кочевой образ жизни, а также занимались оседло-земледельческим хозяйством².

Особый интерес к истории скифов проявили в XVIII веке немецкие историки, в частности З. Вайер, Ф. Миллер, Шумахер, А. Шлейцер и ряд других последующих историков XIX–XX вв. Немецкие историки пытались доказать, что скифы были арийцами, т.е. предками германских племен. А скифский язык содержит черты индоевропейского языка. По этой причине они собрали около 100 сохранившихся в античных письменных источниках «чисто скифских» выражений и 500 слов, «связанных по происхождению» со скифским языком. Однако, по утверждению опытных лингвистов, из этого числа более близка к истине первая группа (100 терминов), остальные 500 слов в качестве материала для исследования скифского языка неприемлемы.

Судя по результатам анализа Дж. Алмаза, в исследованиях немецких лингвистов в течение последних 300 лет было выдвинуто несколько версий родства иранского и скифского языков. Однако ни одна из них не выдержала критики. Тогда была выдвинута идея родства осетинского языка со скифским.

Это, в свою очередь, служило оправданием для захвата фашистской Германией юга России – Крыма, донских, приазовских, причерноморских плодородных земель. Как известно, готы – древнегерманский союз племен – в III веке захватили причерноморские степи, принадлежавшие сарматам. Этот факт также был в пользу теории германских агрессоров XX века.

После окончания Второй мировой войны началась «холодная война». Германский шовинизм все еще не был исключен из арсенала милитаристов. Дж. Алмаз своим научным трудом внес вклад в защиту правдивой истории народов Восточной Европы.

Будучи профессионалом самого высокого уровня, Дж. Алмаз обладал и несомненным публицистическим талантом, глубокими познаниями в области древних и современных языков, истории южных окраин Восточной Европы.

Марсель Ахметзянов,
доктор филологических наук, профессор,
лауреат Государственной премии Татарстана

¹ Геродот. История в девяти книгах. – Л.: Изд-во «Наука» Ленинградского отделения, 1972. – 599 с.

² Яценко И.В. Скифия VII–V веков до нашей эры — М., 1959. – С. 115.

Боевой клич средневековых немецких рыцарей «Дранг нах Остен» (На- тиск на Восток!), переходя из одного поколения агрессоров в другое, дожил и до наших дней, став, в частности, лозунгом немецких захватчиков во Второй империалистической войне. Вот почему совсем не случайно история сложилась так, что родиной абсолютного большинства лженаучных теорий, состряпанных для оправдания агрессивных войн, оказалась на Западе Германия.

Именно оттуда, из Германии, в течение нескольких столетий [...] расплозились по всему свету эти [...] теории, созданные в различных отраслях науки стараниями нескольких поколений немецких ученых, облеченные ими в оболочку безобидных ученых фраз и академических формулировок, а потому внешне вполне мирные, но скрыто несущие в себе яд [...] оправдания агрессивных войн и пропаганды расовой ненависти.

Еще в XVIII веке русские ученые М.Ломоносов и В.Татищев успешно боролись против немецких и шведских ученых, умышленно искажавших историю русских и других славянских народов, о чем более конкретно речь пойдет ниже.

В XIX веке польские ученые выступали с разоблачением лженаучных теорий немецких ученых в области археологии. Советский ученый проф. М.И.Артамонов писал о том, как лженаучные построения немецких ученых были использованы фашистами «в качестве исторического обоснования немецких захватнических планов», в частности, с помощью этих «теорий» Украина во время фашистской оккупации объявлялась исконно германской землей (17, стр. 71–83).

Советский антрополог В.П. Алексеев привел ряд фактов, говорящих о том, как немецкие антропологи умышленно искажали факты с целью

оправдать действия немецких агрессоров, стремившихся «отхватить у России громадный кусок богатой земли» (6, 220).

Еще более показательной в этом плане является безобидная с виду так называемая теория «равенства расы и языка», которая, по меткому определению В.П.Алексеева, обернулась на деле «вредоносной идеей неравенства рас», направленной вначале против цветных народов вне Европы; но перед 1 империалистической войной вокруг этой теории «политические страсти накалились; зловещие тучи распространились на ближайших соседей, и как из рога изобилия посыпались сочинения о высших и низших расах, высших и низших народах в самой Европе» (6, 263). И мания «подмять» была обращена на соседей, в первую очередь, на славянские народы и, главным образом, на русских [...].

[...] в настоящей статье ставится цель доказать правильность вывода о том, что так называемая теория об ираноязычности саков-скифов лженаучна [...].

Утверждение научной истины невозможно без разоблачения лжи, что и составляет содержание данной главы.

* * *

В I тысячелетии до н.э. на территории, занимаемой ныне, в основном, народами Советского Союза, обитали сако-скифские¹ племена. Немецкие ученые еще в XVIII веке разработали теорию, согласно которой эти племена были якобы ираноязычными арийцами, родственными древним германцам – предкам современных немцев.

Эта теория без надлежащей критики была принята на веру некоторыми нашими учеными и в дальнейшем получила, к сожалению, право гражданства в советской науке.

Научный анализ сако-скифского языкового материала, изложенного в последующих столетиях, показал, что сако-скифский язык не был ни иранским, ни германским, а теория об ираноязычности сако-скифов не имеет под собой абсолютно никакой научной основы и зиждется лишь на манипуляциях словами и понятиями, на неправомерных сравнениях, явно противоречащих научным принципам сравнительно исторического метода в языкознании.

От языка саков-скифов сохранились лишь отдельные слова, которые (если ставится цель действительно научного их изучения) необходимо делить на две группы:

I. Слова, значение которых известно по переводу их на античные языки или по комментариям античных авторов (более 100 слов).

II. Приписываемые сако-скифам собственные имена, этнонимы и географические названия, т.е. слова, значение которых совершенно не известно и сако-скифское происхождение в большинстве случаев спорно и сомнительно (около 500 слов).

Такое деление сако-скифских слов на две группы имеет принципиально важное и научное значение. В деле определения происхождения сако-скифского языка решающую роль играют объяснения слов только I группы, потому что значение их известно, ибо не только внешнее звуковое сходство или закономерное звуковое соответствие сравниваемых слов (что тоже необходимо, но далеко не достаточно, звуковым закономерностям часто подчиняются и заимствованные слова), но, главным образом, именно смысловое совпадение сако-скифских слов при сравнении их со словами тех или иных языков является гарантией правильности объяснения фактов скифского языка.

Творцы сравнительно-исторического метода в языкознании (Франц Бопп, Расмус Раск и др.) исходили из того, что генетическое родство сравниваемых языковых фактов не доказывается лишь внешне сходным их звучанием, а главным и решающим в таком сравнении является их смысловое совпадение, что полностью признано и в советском языкознании. Советскими учеными не раз высказывалась мысль о недопустимости отождествления слов различных языков по их чисто внешнему созвучию (39, 40), о неправомерности далеко идущих выводов, основанных только на фонетических уподоблениях, на случайных звуковоспадениях, на омонимах, топонимах и этнонимах (41, 313; 23, 197) и на собственных именах, если не известно их значение.

Нельзя поэтому не согласиться с мнением о том, что «центральное место в изучении языка принадлежит плану содержания: лингвистическому анализу звучания должен предшествовать лингвистический анализ смысла» (39, 175), чего, разумеется, совершенно невозможно сделать, если не известно значение одного из сравниваемых слов².

Короче говоря, сходно звучащие слова могут восходить к одному источнику только «при одинаковости или родстве значения» (46, 204), что призвано «аксиомой сравнительно-исторического метода» (46, 204) в языкознании; «сравнительно-историческое изучение звуков родственных языков должно опираться на значащие единицы» (21, 371) сравниваемых языков. Следовательно, неправомерно и недопустимо сравнение, при котором для объяснения данных ономастики – этнонимов и географических терминов, а также собственных имен, значение которых мы совершенно не знаем, привлекаются из тех или иных языков сходно звучащие слова, значение ко-

торых приписывается термину на том лишь основании, что значение его не известно (вакуум!) и звучит сходно с аналогией, отсюда делается ошибочное заключение о родстве этих сравниваемых слов, следовательно, и того языка, откуда термин, с языком (или языками), откуда взята аналогия для сравнения с термином.

В целях определения этимологии термина или установления генетического родства между языками подобные попытки недопустимы потому, что в их «процедуре содержится логическая ошибка: за основание рассуждения принимается то, что еще только требуется доказать, а именно родство языка, откуда взят... термин, с языком, откуда взята аналогия. Никакой уверенности в том, что данный термин имеет то значение, которое ему приписывается на основании аналогии со сходно звучащим словом в каком-то другом языке, здесь быть не может» (31, 57). И далее «любые сопоставления подобного рода не имеют никакой научной ценности» (31, 58), ибо результатом таких сопоставлений является только ложная этимология.

Пожалуй, такого точного описания источника, откуда и как возникает ложная этимология, такого точного раскрытия сущности псевдоэтимологии нельзя найти даже в специальных трудах по языкознанию. Можно подумать, что И.М. Дьяконов такое удачное определение списал с натуры, имея в виду конкретные примеры, именно объяснения иранистами сако-скифских слов (II гр.). Так точно подходят эти объяснения под ту характеристику, которую И.М. Дьяконов дал лжеэтимологии³.

При таком положении, кажется, вполне ясно, что сравнительное изучение скифского языкового материала надо начинать только со слов I группы, значение которых известно. Если они удовлетворительно не объ-

ясняются из того или иного языка, то толкование из него слов II группы вообще неправомерно.

Между тем, давно доказано, что именно скифские слова I группы не поддаются объяснению из иранских языков, что признано даже самими иранистами В.С. Миллером (38, 236) и В.И. Абаевым (ОЯФ, 244). Из данного факта, казалось бы, вытекает единственно правильный вывод о том, что скифский язык не иранский.

Было бы наивно полагать, что крупные представители немецкого языкознания не понимали этой очевидной истины. Наоборот, они ее понимали слишком хорошо, но она их не устраивала.

Нет также основания думать, что у немецких ученых не хватило сообразительности заметить, что у одних сако-скифских слов значение ясно, а у других оно совершенно неизвестно, и по данному признаку они как бы естественно делятся на две группы, как отмечено в предложенной выше классификации. Но от нее немецкие ученые молчаливо отказались, по всей видимости, вполне сознательно, не потому, что не имели или не могли делить сако-скифские слова на две группы, а потому, что такая классификация заставляет исследователя стать на правильный путь объяснения сако-скифского языкового материала. Им, немецким ученым, как раз этого-то и не хотелось. По этой причине они старательно обходили вопрос о необходимости подобной классификации, молчаливо исходили из признания равноценности всех сако-скифских слов, независимо от того, известно их значение или неизвестно, и, свалив скифские слова I и II групп в одну кучу, приступили к неправомерным сравнениям и к ненаучным объяснениям именно тех слов, значение которых неизвестно, что позволяет приписывать этим словам значение любых

сходно звучащих слов, привлекаемых для сравнения из любых языков, не только из иранских, как утверждают иранисты.

[...]

Объяснения всех сако-скифских имен у иранистов представляют собой типичные формально-логические противоречия – противоречия неправильного рассуждения. Такие противоречия присущи обычно рассуждениям людей, которые неправильно мыслят, принимая ложные исходные положения за верные. Иначе говоря, такие люди добросовестно заблуждаются и не понимают, что они неправильно мыслят. В отличие от таких людей, иранисты-скифологи в целях объяснения скифских имен из индоиранских языков специально, умышленно возвели ошибочные формально-логические суждения в систему, всеми неправдами (и только ими) стараясь выдавать ложное исходное положение за верное.

[...]

В связи с этим в заявлении Б.А.Серебренникова о том, что «существенным недостатком сравнительно-исторического метода, применяемого в зарубежном языкознании, является притягивание семантики слова в угоду установленному фонетическому соответствию» (46, 221) в применении к методу иранистов-скифологов нуждается в существенном пояснении: во-первых, «притягивание семантики слова в угоду установленному фонетическому соответствию» как раз и есть в практике иранистов-скифологов приписывание ими значений индоиранских слов к скифским именам, значение которых неизвестно, на основании лишь сходства в звучании сравниваемых слов; во-вторых, данный факт нельзя характеризовать только как «недостаток в применении сравнительно-исторического метода», ибо само сравнение у иранистов нена-

учно и недопустимо так как делается оно в нарушение норм и принципов сравнительно-исторического метода, а потому с ним оно ничего общего не имеет, а является лженаучной этимологией.

Объяснения сако-скифских слов у всех иранистов поэтому однотипны. [...] Напр., имени скифского царя Таксакис, значение которого никому не известно, Ф.Юсти и В.С.Миллером было приписано значение древнеиндийского слова такшака «плотник» на основании лишь некоторого звукового сходства между сравниваемыми словами. В.И.Абаев на том же основании предложил для Таксакис значение иранских слов «така сака» «быстрый олень» (ОЯФ, 202).

Чрезвычайная легкость, с которой скифскому имени Таксакис приписывается значение сходно звучащих индоиранских слов, позволяет проделывать подобные манипуляции и с другими языками. Так, например, если полагать, что имя Таксакис было не именем, а прозвищем скифского царя, то оно вполне сравнимо также со сходно звучащим русским словосочетанием «так и сяк». При помощи же тюркского слова таг «гора» и сак-ы «скиф» имя Таксакис объясняется как Так саки < Таг саки «горный скиф» или «скиф-горец». Если же принимать во внимание, что в древнегреческом не было аффриката ч, а потому допустить, что тюркское слово џақ-у могло быть искажено в греческой передаче как – саки(с) в имени Таксакис, то данное имя восстанавливается как тау џақу со значением “Гороподобный” (буквально “с гору величиной”).

Со скифским Таксакис по звучанию безусловно сравнимо и японское имя Такасаки (имя известного современного японского ученого-физика). Следовательно, его значение также может быть приписано означенному скифскому имени.

Подобным образом можно объяснять скифские имена II группы из десятков разных языков, и эти объяснения будут не хуже и не лучше, чем толкования их из иранских языков. Все эти объяснения ненаучны, ибо при любом сравнении из любого языка полностью отсутствует уверенность в том, что скифское имя (из II группы) имело то же самое значение, которое насильно приписывается ему исследователем на основании неправомерного сравнения.

Между тем, именно данные подобных сравнений из индоиранских языков ... навязываются в качестве «вполне надежных, достоверных и непроверяемых» фактов, а выводы, основанные на них, – как научные, не подлежащие не только критике, но даже сомнению.

Данное обстоятельство обязывает более наглядно проиллюстрировать весь механизм, на котором держится научное жульничество немецких ученых по объяснению скифских слов II группы. Для этого нужно, в порядке экспериментальной наглядности, употребить «немецкий» метод объяснения скифских собственных имен применительно к современным собственным именам, значения, этническую принадлежность которых мы хорошо знаем, но условно допускаем, что значение их для них так же неизвестно, как неизвестно оно у скифских имен, стараясь при этом имитировать, то есть выдержать стиль и тон (манеру) объяснения скифских имен из иранских языков.

С таким условием английское имя Байрон можно сопоставить с тюркским бай «богатый» и иран «муж, воин, воитель» и приписать имени Байрон значение «богатый воин». Весьма сходно звучат имена Смит (английское) и Исмат (тюркское), что «не оставляет сомнений» в том, что Смит происходит от Исмат, при этом «а»

выпал: Исмат~Асмит>Смит. Недавно премьер-министром Англии был Вильсон. Это имя по звучанию вполне сопоставимо с тюркским билсун или билсин «пусть знает» (положительная форма 3 лица), тем более что со значением в смысле «пусть будет знающим (мудрым, ученым, умным и т.д.)» этот глагол вполне может употребляться в тюркских языках и в качестве собственного имени.

[...]

Абсурд? Безусловно! Но ведь именно так объяснены и скифские собственные имена из иранских языков⁴. Разница лишь в том, что абсурдность сравнения приведенных выше имен хорошо нами осознается, потому что мы знаем происхождение и значение английских, японских, русских и тюркских имен, которым приписаны ложные значения, тогда как подобные ложные значения, приписанные скифским собственным именам, кажутся правдоподобными только потому, что нам совершенно неизвестно, что означали скифские слова II группы [...].

Недавно известный английский лингвист Пулибланк, подпав под влияние метода псевдонаучной этимологии, пытался приписать значение кетских слов хуннским именам и на этом основании, вопреки фактам и достоверным историческим сведениям о хуннах, решил объявить их кетоязычными. Между тем, трактовка Пулибланком хуннских имен ничем не отличается от приведенных выше пародированных объяснений английских имен из тюркских языков. Правда, работа Пулибланка была справедливо оценена в советской науке как результат увлечения формальными конструкциями, а его выводы подвергнуты заслуженной критике (40, 10). К сожалению, она осталась неизвестной широкому кругу лингвистов.

[...]

Конечно, среди скифских имен могли быть и заимствованные имена, в том числе и иранские. Мода на иностранные имена существовала с древнейших времен, как и ныне. [...]

Данный факт... говорит о том, что несколько иранских имен, если даже будет неопровержимо доказано (а пока еще не доказано!) их наличие среди скифских имен, ни при каких обстоятельствах не может послужить доказательством ираноязычности скифов.

Наконец, испокон веков у всех народов существовал обычай сокращать собственные имена. Существует он и в наше время. Так, например, Чингиз Айтматов в своем рассказе «Тополек мой в красной косынке» приводит киргизское имя Баке. Ни один читатель, даже автор не объяснил, что это сокращение (уважительная) форма полного киргизского имени Байтемир (5, 551).

Сокращенными формами полных имен (арабского происхождения) у татар считаются, например, Сапай (из Сафиуллы), Ахмуш (из Ахмадуллы, Ахматша, Ахмат), Гапкай или Аптри (из Абдурахман), Камай (из Камалетдин) и др. Однако есть основание полагать, что большинство таких сокращенных имен в той форме, как они употребляются, бытовало задолго до принятия Ислама, следовательно, они были первоначально сокращенными формами не арабских или персидских, а домусульманских, тюркских (языческих) имен, употреблявшихся до принятия Ислама. И когда они были вытеснены именами мусульманского происхождения, то последние начали заменяться (видимо, по некоторым сходствам в звучании) привычными и наличными формами сокращенных имен, сложившихся в домусульманскую эпоху. Об этом, например, говорит, в частности, татарское сокращенное имя Сапай, которое в фонетическом варианте Чапай

употребительно также у балкарцев, карачайцев и чувашей, но у них оно не связано ни с каким арабским именем. Следовательно, Сапай, подобно чувашскому Чапай, было сокращенной формой какого-то не дошедшего до нас домусульманского имени тюркского происхождения. И когда это имя под влиянием ислама перестало употребляться и было со временем забыто, то его сокращенная форма Сапай была перенесена, видимо, по сходству в звучании на имя Сафиуллы мусульманского происхождения и с течением времени была переосмыслена как его сокращенная форма⁵. Вот почему в тюркских языках для сокращенных имен, являющихся эквивалентами имен мусульманского происхождения, фактически нельзя предложить уверенной этимологии, т.к. те полные формы тюркских имен, из которых они сокращались, утеряны безвозвратно.

Если так обстоит дело с сокращенными именами, которые еще употребляются в современных языках, то не может быть никакого сомнения в безнадежности попыток установить этимологию давно вышедших из употребления и окончательно забытых скифских имен, среди которых наличие сокращенных форм более чем вероятно. Правда, какие именно из скифских имен являются сокращенными, также невозможно установить; но это, пожалуй, не так уж существенно, т.к. не известны значения всех скифских слов II группы, и по этой причине они фактически все находятся в положении сокращенных имен. Никакими гаданиями – объяснениями, никакими заклинаниями не в состоянии теперь ученые-скифологи достоверно установить их значения. Увы, они для нас потеряны навсегда. [...]

Там, где это возможно, иранисты пытаются применять при объяснении сако-скифских имен известное в язы-

кознании положение о том, что при сравнении слов имеет значение не только сходство звуков, но и закономерный характер звуковых расхождений, объясняемых исторической фонетикой. Однако эти расхождения, как и схождения, могут быть признаны закономерными только в том случае, когда значения сравниваемых слов известны и совпадают. Если же значение одного из сравниваемых слов неизвестно, как в скифских именах, то такое сравнение все равно неправомерно и недопустимо, ибо результатом его является приписывание значения одного из сравниваемых слов другому слову, значение которого неизвестно (т.е. иранского скифскому), что и является типичным примером лжеэтимологии. Нет решительно никакого основания оспаривать родство этих сравниваемых слов, если между ними и будут наблюдаться звуковые схождения или расхождения, – они случайны, а незаконмерны, т.к. подобные «звукосоответствия могут возникать на базе единообразной субституции фонем» (39, 15), как в заимствованном материале, как и между словами неродственных языков, что имеет место и при сравнениях скифских имен с иранскими.

[...]

При объяснении скифских имен иранисты большее значение придают все же не «закономерным» расхождениям, а схождениям звуков. По мнению И.М. Дьяконова, «этимологическое сопоставление с терминологией другого языка (значение которой неизвестно. – Д.ж.А.) допустимо там, где имеются многочисленные и систематические примеры схождения» (31, 57).

В этом плане особым достижением, позволяющим «выдвинуть гипотезу об иранском характере языка скифских имен» (31,57), у иранистов считается установленные ими в скифских именах якобы «закономерно»

повторяющиеся сочетания звуков, как-то –ksaj, aspaarta-, phart-, ksarth-, ksartr- и др., которые с некоторой натяжкой в звукосоответствиях совпадают в индоиранских языках со значащими словами, значение которых и приписывается сравниваемым скифским именам, в которых обнаружены эти звукосочетания.

И.Н. Дьяконов называет такой способ объяснения скифских имен «этимологическим методом» и считает, что его «с осторожностью (подчеркнуто мною. – Д.ж. А.) можно применять» (31, 58) на том основании, что для означенных выше звукосочетаний «удается не только подобрать древнеиранские соответствия, но и показать их систематический характер» (31, 57).

В данном случае рекомендация применять «этимологический» метод «с осторожностью» весьма симптоматична. Она выдает небезосновательное опасение автора за судьбу предложенного им метода из-за его хрупкости. При этом, разумеется, никаким измерениям степень этой «осторожности» не поддается потому, что при любой «осторожности» этот метод будет ломаться вдребезги, не выдержав критики: он ненаучен и представляет из себя лишь осложненный вариант лжеэтимологического метода, что может быть доказано.

Во-первых, «этимологический метод» И.М. Дьяконова исходит, как и лжеэтимологический метод, из ложного исходного положения, а потому в процедуре объяснения скифских имен по данному методу содержится та же логическая ошибка, которую Дьяконов сам установил для лжеэтимологии: «за основу рассуждения принимается то, что еще требуется доказать», а именно родство скифского языка с иранскими, и оно нисколько не доказывается только тем, что определенные сочетания звуков в

скифских именах случайно совпадают со значащими иранскими словами.

Во-вторых, это ложное исходное положение допускает, как и при лжеэтимологии, непропорциональное сравнение индоиранских слов со звуко сочетаниями, вырванными из скифских собственных имен, – непропорциональное потому, что значение этих имен, как и вырванных из них звуко сочетаний, совершенно неизвестно. Таким образом, если при лжеэтимологии скифских имен значение последних просто неизвестно, то при «этимологическом методе», предложенном Дьяконовым, оно становится неизвестным вдвойне, в квадрате⁶.

Суть этих осложнений, как и всей системы ненаучных приемов, придуманных с целью затемнения, в общем, ясного, простого, даже само собою разумеющегося положения, лучше всего, пожалуй, определить отчеканенными в стихах словами известного казахского поэта и ученого Олжаса Сулейменова, сказанными им по другому поводу, но вполне подходящими и для данного случая:

Возможности черновика
 Потрачены,
 Чтобы сделать главным
 Перипетии пустяка.
 И в дебрях слов...
 ...простоту вогнали в сложность⁷.

И таким путем умышленно запутали, затемнили беспорядный и ясный вопрос о том, что скифский язык – не иранский, так что сейчас «приходится... простые мысли доказывать всерьез, как теоремы»⁸.

В-третьих, в результате непропорциональных сравнений только по сходству в звучаниях значение индоиранских аналогий приписывается вырванным из ничего не значащих для нас скифских имен звуко сочетаниям, значение которых, таким образом, вдвойне неизвестно. Следовательно, нет ни-

какого контроля, никакой гарантии и уверенности в том, что эти звуко сочетания означают то же самое, что им приписывается. Ведь это и есть типичная, но осложненная «двумя неизвестными» лжеэтимология.

Подобрать по звучанию древнеиранские соответствия скифским именам нетрудно, ибо «чем меньше степень родства между двумя языками, тем больше вероятность случайного совпадения в звукотипе сопоставляемого материала» (39, 13, 14). И данным обстоятельством определяется относительная легкость подбора индоиранских аналогий для объяснения сако-скифских имен.

Эти случайные совпадения могут быть объяснены факторами языковой конвергенции, ограниченностью фонетического материала в языках мира и т.д. (39, 13, 95), но только не генетическим родством. Следовательно, эти древнеиндийские аналогии не имеют никакой научной ценности и силы научного доказательства при объяснении скифских имен.

В-четвертых, есть полное основание утверждать, что эти звуко сочетания -ksaj, pharn- и др. – фикция. Они, как значащие слова, в действительности не существуют, ибо добыты произвольным и неверным разложением скифских имен, ненаучность которого легко доказывается их переразложением, что в достаточной степени ясно может быть продемонстрировано даже на двух-трех примерах. Так, например, «скифское» имя pharn aks artos разлагается иранистами совершенно произвольно на pharna-ksartos только для того, чтобы иметь возможность сопоставить его со словосочетанием farna-xsarta (кстати, не существующим в действительности, а лишь конструированным на основании данных индоиранских языков и объясняемым как нечто вроде «божественного влияния»); скифские имена Arpaksaj, Lipoksaj,

Kolaksaj также произвольно разлагаются в виде Agra-ksaj, Lipo-ksaj, Kola-ksaj, опять-таки с целью сопоставить вторую часть этих имен /- ksaj/ с индоиранским словом *xšaуа «сияние», «владыка», «царь», что якобы «закономерно» повторяется в этих именах, соответствуя второй их части –ksaj.

Однако, пользуясь тем же произволом, примененным иранистами при разложении скифских имен, можно переразлагать их совершенно по-другому, именно, как Pharnak-sartos; Aprak-saj, Kolak-saj и т.д. (подобным образом иначе, чем у иранистов, можно переразлагать и все остальные произвольно разложенные ими скифские имена), и тогда в них и следа не остается от тех якобы характерных, как теперь можно воочию в том убедиться, путем произвольного разложения, скифских имен.

Подобные разложения скифских имен у иранистов акад. Н.Я. Марр совершенно справедливо окрестил «прокрустовым расчленением» (36, 20), а до Марра еще Юргевич указал на бессмысленность этих разложений (55, 38). Не может быть никакого сомнения в том, что все это не что иное, как подтасовка звуков, в чем немецкие иранисты-скифологи [...] достаточно набили руку, – всего лишь их очередной лингвистический фокус, относящийся к разряду тех этимологических фокусов, о которых в свое время с возмущением писал Ф. Энгельс (54, 26–27). Надо полагать, именно этот фокус и ввел И.М. Дьяконова в заблуждение. Спекулятивный расчет в данном случае построен на том, что значение скифских имен не известно, а потому

отсутствует всякая возможность контролировать и доказать, правильно они разложены или неправильно.

Однако просчет немецких ученых в данном вопросе заключается в том, что [...] неверный, ненаучный, произвольный характер их разложения вполне доказуем и уже доказан тем, что эти же скифские имена на том же основании и с точки зрения слогаделения более правдоподобно разлагаются иначе, чем у иранистов, и почти все объясняются более убедительно, чем у них, но только не иранскими языками⁹. В силу этого тезис Дьяконова о том, что якобы «удаётся показать систематический характер» этих произвольно вырванных из скифских имен звукосочетаний, оказывается совершенно беспочвенным, призрачным, как мираж в пустыне.

Таким образом, в скифских именах в действительности нет никаких «закономерно и систематически повторяющихся» звукосочетаний¹⁰, характерных для индоиранских слов; не существует между ними (звукосочетаниями и индоиранскими словами) никаких звуковых схождений, равно как и закономерных звуковых расхождений, объясняемых исторической фонетикой. Вполне закономерным остается лишь ученое разглагольствование об этих несуществующих «схождениях и расхождениях», имеющее скрытую цель – лучше завуалировать абсурдность псевдоэтимологического метода, применяемого иранистами при объяснении скифских собственных имен.

(Продолжение следует)

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В данной работе термин «сако-скиф» употребляется в качестве общего названия всех скифов, как европейских, так и азиатских. При необходимости обозначать их в отдельности азиатские обозначаются термином саки, а европейские – скифы.

² Это положение при этимологическом анализе не отрицает, а предполагает необходимость учета закономерных звуковых соотношений между сравниваемыми словами, способов их словообразования, относящегося к области морфологии, разумеется, если только морфемы действительно наличествуют в составе сравниваемых слов, а не выделяются искусственно, по произволу исследователя, как это наблюдается в практике иранистов-скифологов. Только комплексное применение фонетического, словообразовательного и семантического анализов сравниваемых слов может обеспечить более и менее надежный результат в этимологических исследованиях.

³ Однако приходится с сожалением отметить, что И.М. Дьяконов именно в вопросе скифского языка оказался непоследовательным, о чем речь ниже.

⁴ Из более 500 слов (II гр.), которые считаются «скифо-сарматскими», иранистами объяснено всего около 100 слов (в основном, имена собственные), что составляет всего 20-25% из общего количества слов, относящихся ко II гр. Остальные 75–80% слов из этой группы не поддаются даже лжеэтимологизации из иранских языков.

⁵ Имя Мамат – Мемет, прежде чем стать сокращенной формой имени Мухаммед, было, видимо, также сокращенной формой тюркского имени, о чем можно судить по наличию имени Мамат у сары-югуров (стр 221).

⁶ Соответственно с этим должна увеличиться и степень неправомерности и невозможности подобных сравнений.

⁷ Сулейменов О. Круглая звезда. Стихи. – М., 1975. – С. 81.

⁸ Там же. – С. 126.

⁹ Анализ этих имен дан в главе VI.

¹⁰ По сообщению И.М. Дьяконова, якобы «многие десятки» скифских собственных имен содержат эти звукосочетания (31, 57). Неточная цифра «многие десятки» употреблена, видимо, ради эффекта, т.к. не отражает реальной картины. Впрочем, это не имеет значения: если бы эти звукосочетания содержались даже во всех 500 скифских словах (II гр.), то и тогда не было бы основания возводить эти звукосочетания в систему и считать закономерными схождениями, т.к. они добыты произвольным (ненаучным) разложением скифских имен.

Аннотация

Статья Джавада Алмаза «О языке сако-скифов» является первой специальной работой, посвященной исследованию языка древних скифских племен. Эта тема имеет международное научное и историческое значение. Она является серьезным ответом против искажения истории древних скифов. Автор статьи анализирует точку зрения европейских ученых, пытающихся связать этническую историю западных народов со скифами, которые, как известно, имеют сходные черты с тюркскими народами в культуре и укладе жизни.

Ключевые слова: Джавад Алмаз, скифский язык, скифские имена, лжеэтимология.

Summary

The article of Dzhavad Almaz “About Language of Sakas and Scythians” is the first special work devoted to the study of ancient Scythian tribes’ language. This theme has an international scientific and historical significance. It is a major scientific and philological response against the distortion of the history of the ancient Scythians. The author analyzes the views of European scientists who are trying to relate the ethnic history of the Western peoples with the Scythians, who are known to have similar features in the culture and way of life with the Turkic peoples.

Keywords: Jawad Almaz, Scythian language, Scythian names, false etymology.